

Самое бурное воспоминание молодости у Бориса Жутковского — знаменитая выставка в Манеже и встреча Хрущева с интеллигенцией в 1962 году. Именно Жутковского с Эрнстом Неизвестным Никита Сергеевич назвал тогда «педерасами». Жутковский принял это стоически и, кстати сказать, участвовал вместе с Неизвестным в создании знаменитого надгробия на могиле Хрущева на Новодевичьем кладбище. Может, потому, что...

— У меня ведь еще одна встреча с Хрущевым была — уже после его отставки. Несколькими годами позже наш откровенный разговор был опубликован в журнале «Новое время», и о выставке в Манеже тоже уже столько писано — переписано, что вряд ли стоит об этом сейчас говорить. Я вам лучше вот что покажу.

Достает откуда-то огромный серый альбом, где аккуратно наклеены вырезки из газет, фотографии, где Хрущев в упор смотрит на Жутковского.

— Это смешной момент. Он начал тыкать в меня рукой, а я машинально пожал ее. А вот здесь, в конвертах, записки, которые я сделал на всех четырех встречах с интеллигенцией в декабре 1962 года. Путем какой-то интриги после исторической выставки в Манеже именно Эрнст Неизвестный и я — единственные из ее участников — оказались на этих встречах. Сел я в сторонку и пишу. Отнимут, думаю, — ну хрен с ними. Не отнимут — значит, будет что вспомнить.

Перебираю еще не успевшие пожелтеть странички со знакомыми из истории выражениями.

«Ильичев (секретарь ЦК КПСС). Традициям Репина приходит конец. Абстракция производит тягостное впечатление. Это подражание буржуазному искусству».

Хрущев. ...Это порнография, это не искусство. (Аплодисменты.)

Ильичев. ...Поэты проповедуют так называемые «общечеловеческие начала». Например, Новелла Матвеева пишет «Солнечный зайчик» — ни тебе классов, ни тебе борьбы. ...К вопросу о свободе творчества. Свобода творчества — это не свобода от общества. У нас не может быть анархии, своеволия, разнузданности.

Хрущев. ...Если им дать власть, вот бы посмотреть, как «они» с нами поступили бы. В бараний рог согнули бы».

— Это выдержки из доклада Ильичева, сопровождаемые репликами Никиты. А вот здесь, в этом конверте, прения.

«Грибачев. ...Пора дать определение понятию «прекрасного»».

Евтушенко. ...Абстракционизм, как и соцреализм, может быть плохой и хороший. Возьмем Пикассо. Неужели мы можем исключить его? На Кубе абстракционисты — люди, преданные революции. Эрнст (Неизвестный). — М. О. — человек замечательного таланта. Как бы не выплеснуть с водой и ребенка.

Хрущев. Дадим паспорт — пусть едет в Гавану.

Евтушенко. ...Если к ним проявить...

Хрущев. ...Горбатого могила исправит».

— Ну, не буду больше вам морочить голову — приведу еще парочку выражений.

«Известный скульптор Азгур. ...Народ хочет видеть художников своими, а они во имя живописи изменяют лицо. Какой рабочий на это согласится? Надо идти в народ. Лаконизм, обобщения!!! (Иронизируя.) Глаза нужны — зеркало души? Нос нужен? Уши нужны? Что тут обобщать!»

Хрущев. ...Художники — это ура!

Налбандян (подхватывая). ...Ура нашему искусству! Сделано чистыми руками!

Хрущев. ...Сибирский писатель, а квартира в Москве. Может, их распределить по заводам? ...Надо подумать».

— Это же было, было! Вон Том Петров покойный был таким образом распределен.

Ну и так далее. Это же черт-те что!

Соглашаюсь с тем, что теперь записки с той встречи с Хрущевым действительно звучат дико. А сама вращая глазами по залежам мастерской. Внизу, на полу, стопки журналов.

— Это «Эврика». Лет десять я этот журнал делал, с конца пятидесятых. Зарабатывал деньги на карикатурах.

— Так тогда же за карикатуры три копейки платили.

— Нет, в «Эврике» с этим было пристойно. Все, все журнальчики здесь сохранены. Я вообще сумасшедший по этой части. Живу на Кутузовском с детства, в доме за фабрикой-кухней. Окна мои выходят как раз на Бородинскую панораму и Поклонную гору. У меня, кстати, есть фотография, сделанная из окна, когда еще никакого 40-го дома и в помине не было. Знаете, наверное, здоровый дом напротив Триумфальной арки — их два таких по обе стороны Кутузовского? Я еще помню на этом месте овраги, где во время войны прятали аэропланы, деревню у подножия Поклонной и керосинную лавку. А по кустам были спрятаны тумбы с телефонами, поэтому что каждый день именно по этой дороге ездил Сталин. Поэтому «резиновых» (я так энкаведэшников называю) здесь тоже было пруд пруди.

Тут мама умерла, и мне досталась лубяная коробочка, семейная, из которой я понял, что являюсь москвичом в седьмом поколении. Там такое количество бумажек — некоторые из них просто поразительны.

И Борис Жутковский прочитал мне написанный им рассказ про жизнь сразу после войны, в 47-м году. Там есть такой эпизод. Мать Бориса, Нина Ивановна, пошла занять у соседней картошки и попала на обыск: арестована была соседская дочь Вера, которую объявили американской шпионкой. Только потому, что начала изучать английский язык.

Мать Бориса долго потом таскали в КГБ, все хотели, чтобы она подтвердила, что соседская Вера действительно шпионка. А отец Жутковский, между прочим, тоже мог сесть как американский шпион: он в свое время в Амери-

ке учился. Но к горю или к радости в 38-м полетел на Северный полюс спасать Леваневского, а на обратном пути разбился в самолете. Прямо сказать — «вовремя» погиб. Похоронили как героя — на Новодевичьем, с салютами.

— Ну это только один эпизод из моей жизни. У меня был дядька Толя — два месяца назад как умер. Так он дослужился до поста военного секретаря Лаврентия Берия. Повезло: всего лишь две недели отсидел в одиночке. В его семье тоже была история. После революции его отец был начальником штаба генерала Шкуро. Как-то раз на допросе он увидел пленного красного, который оказался... его товарищем по офицерскому училищу. Ночью он устроил ему побег. А после гражданской тот товарищ отмазал его, да еще и фамилию изменил. Так я настоящую фамилию своего дядьки (и, естествен-

Ну, может, не совсем уж иронично. В этой книге есть замечательная его серия рисунков «Ландшафты правой руки». Правой, потому что Жутковский левша. Очень такие навевающие что-то мистическое рисунки.

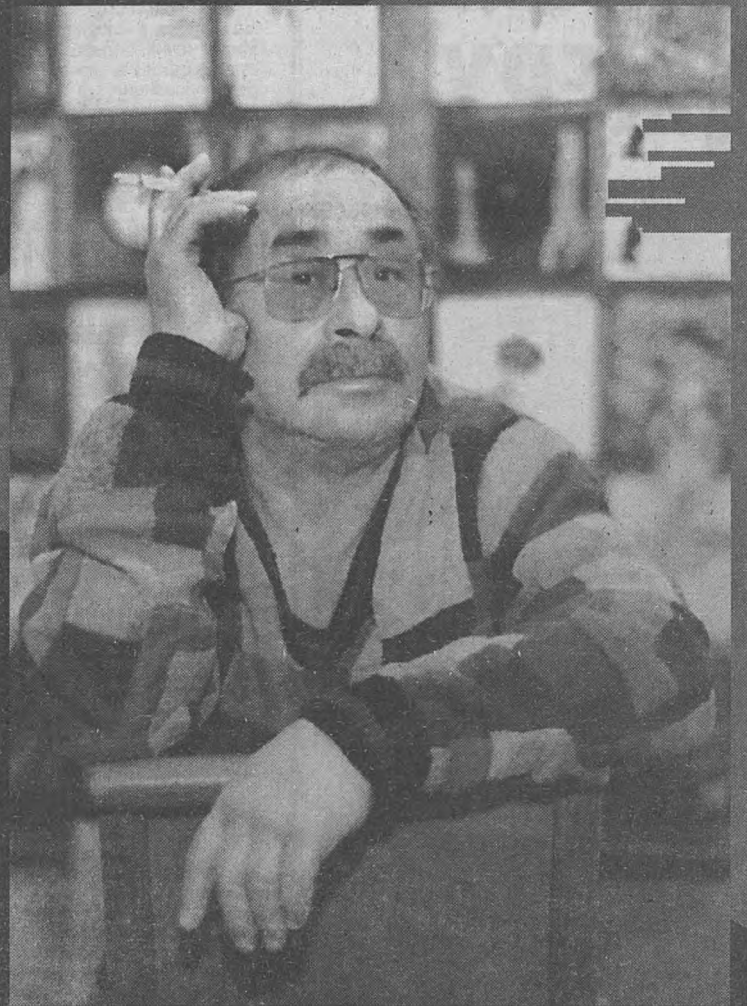
— А что это за книга — «Гостевая виза»? — Несколько лет тому назад — к сожалению, он умер в этом году совсем молодым, — приехал в Москву из Израиля один из самых паразитических людей, которые мне попадались в жизни. Такой Мирон Гордон, тоже как бы из России выехавший, но давно, еще ребенком, в 50-е годы. Приехал в составе консульской группы устанавливать дипотношения. И очень мне понравился. Любопытный малый: диссертацию когда-то написал в Израильском университете про наших бардов. Вот он такой был. Огромный, рыжий, красивый. Деятельный до неве-

УШИБЛЕННЫЙ ИСТОРИЕЙ

НО ХРУЩЕВ ЗДЕСЬ НИ ПРИ ЧЕМ

Борис Жутковский — известный художник и философ по жизни, автор более 2500 картин, кропотливо собирающий бесценные проявления времени. Или, как сам он о себе говорит — «ушибленный историей». Среди его друзей и приятелей — Юрий Рост, Игорь Губерман, Александр Гордонский и, естественно, историки, со многими из которых он дружит с детства. Так и представляешь, как собираются они в полумраке мастерской и, покуривая сигаретками, ведут неторопливый разговор о том, что было.

Во время нашей с ним встречи Борис готовился к выставке своих портретов, которая только что открылась в галерее «7 гвоздей». Но о картинах мы так с ним в сущности почти и не поговорили.

но, его отца) узнал только сейчас, после его смерти. Молчал, как партизан.

— Как в людях страх глубоко засел.

— Да. Вот он, дядька Толя, — и отец его, и жена, и дети (кивает головой на стену).

Целую стену в мастерской Жутковского занимает его картина «Пятьдесят». Пятьдесят ячеек — пятьдесят лет жизни, и в каждой ячейке — своя картина о самых интересных из нее событиях. Задумывалась к круглому юбилею, а потом художник решил ее продолжить — ячеек уже не 50, а 65. Ровно столько стукнет Борису Жутковскому в следующем году.

— Вообще-то я человек книжный. Закончил полиграфический институт. Это был мой хлеб, а картинка я делал для себя и складывал. Что и сейчас продолжаю делать.

Одна из последних книг, сделанных Борисом, — великолепное издание, проиллюстрированное его картинами и фотографиями Юрия Роста. Макет делал тоже Жутковский.

— Это такое помпезное издание тиражом всего 500 экземпляров — предназначалось исключительно президентам и королевским особам.

Задумка хорошая, только я от этой работы отошел, хотя и макет мой, и по типографиям набегался — врагу не пожелаешь. Но в какой-то момент понял, что это великолепие напускное.

И с этой книгой у меня есть история. Мой приятель, Саня Гордонский, написал для книги статью. Я ее проиллюстрировал рисунками 70-го года. Только получили сигнал, и сразу звонок от Сани: «Боба, я к тебе немедленно еду». Приехал, глаза торчат: «Ты откуда взял иллюстрации?» — «Да это мои рисунки, в 70-м году делал», — отвечаю. «Дурак, ты понимаешь, что ты сделал?» Оказывается, три года тому назад при сверлении океанического дна (а Гордонский по профессии океанический геолог) были обнаружены новые простейшие — вестиментиферы. Это такие штуки от 3 см до 1,5 м, которые питаются азотом и серой. Если отвлеченно представить, это как бы гипотетическое будущее планеты. Короче, эти простейшие были мною изображены в точности 25 лет назад. Каково?

— Просто мистика какая-то.

— Нет, к мистике я отношусь иронично.

роятия. И мы придумали с ним такую вещь: я соберу команду, мы приедем в Израиль и напишем о стране. Что мы и сделали. Я — художник, Юрка Рост — фотограф, и несколько журналистов. Сделали книжку про Израиль. И она вышла.

Еще один угол мастерской занимает огромное количество портретов, присланных один к другому (их около 300). На портретах — сплошь знаменитости, которых Борис Жутковский писал с натуры. Аркадий Райкин, Александр Яковлев, Альфред Шнитке, Лен Карпинский.

— Я человек занудливый и еще, как меня мама в детстве звала, — скулистый. Но добра я собрал много за свою жизнь. Сейчас хочу книжку написать про портреты. Вот тоже кладешь всяческих историй. Единственное, никогда не любил дам рисовать.

— Почему же?

— Всем им хочется быть моложе и красивей, правда? Это же естественно. А мне хочется колупаться во всем. Помню, Маргариту Алигер нарисовал, а она мне говорит (мастерски имитирует дребезжащий старческий голос): «Боречка, портрет очень хороший, только вы его никому не показывайте».

— Сколько имен перепелось в вашей жизни...

— Так ведь, дружок, на это все нужно время. А я 20 лет живу один (жена Б. Ж. погибла в автокатастрофе. — М. О.), вот и трачу свою жизнь на картинку да на приятелей.

— А самая близкая компания — это кто?

— Ну как сказать... Есть любимые постарше: Лев Эммануилович Разгон, Даниил Семенович Данин, Лидия Борисовна Лебединская. Есть как бы мое поколение — приятели-историки, одноклассники из знаменитой 110-й школы. Игорь Губерман.

Сижу, выжидаю. Чувствую — источник неиссякаем, и самое интересное «блюдо», как всегда, ожидается на десерт.

— Вообще историй я могу рассказать — ну, не миллион, а тыщу точно. Ну ладно, так и быть — расскажу одну потрясающую историю:

1908 год. Совершенно покушение на российского генерал-губернатора в Польше. Двое моло-

дых людей и девушка из г. Радома схвачены и приговорены к повешению. На эшафоте девушку помиловали и сослали в Сибирь. Идет она этаким по южному пути. Где-то в районе Каспия к ним присоединяется группа закавказских революционеров. Гонят их на Кару — в Карские рудники на юге Чингисской области. По дороге у девушки возникает роман с одним из этих «орлов», и в районе Верного (теперешней Алма-Аты) она рождает. Поскольку заключение запрещается иметь детей, то ребенка отдают в приют, а она отправляется дальше.

Год, два, три она живет на Каре, потом начинает чахнуть. До такой степени, что ее, выражаясь современным языком, кассируют и ссылают на вечное поселение на Чукотку. Живет она в какой-то землянке с рыбьими пузырями вместо окон. Потом вдруг исчезает. Всероссийский розыск, а тут революция, канитель — и с концами. Через два года по сле этого ее находит еле живую... племя шеванезо на севере Канады.

Отпавляют, откармливают, дают новое имя — Белая Тучка (она блондиночка). И ее берет себе в жены вождь. Стряпает ей трех детей — двух парней и девочку.

Ну, вот они живут, живут. В 38-м году она, уже немолодая дама, с разрешения мужа-вождя решает поехать навестить своих родителей в город Радом. И берет с собой младшего сына — настоящего индейца. Сначала на каноэ, потом на пароходе, на поезде — в общем, добираются они до Польши. Родители этой дамы к тому времени уже умерли, а две сестры поделили все наследство. Но она ведь польская дама-то — в общем, начала склоку за это наследство. Пока суть да дело, начинается вторая мировая война. Немцы в Польшу. Ее оставляют в покое, а сына, который совсем не ариец, в вагон и в лагерь. Но мальчик-то индейский! Он вскрывает в вагоне пол, выпускает семерых и сам восьмым сваливается. И оказывается... в партизанах. Естественно, партизан он легендарный, потому что из ружья не стреляет, из автомата не стреляет, а исключительно из лука немцев шарашит. Кончается война, и оказывается, что он сражался не за «тех» партизан. Победила-то Армия Людова, а он сражался за Армию Крайову. Его опять в лагерь, на этот раз в наш, но на территории Польши. Ну, эйфория победы, индеец — весь такой лучезарный, слегка глуповатый, огромный, красивый — в общем, его выпускают. Он кончил школу и стал механиком на судне. Дважды пытался уйти в Канаду, а вообще-то стал таким коммунистом, с пионерами начал возиться, накопил себе всяких индейских штучек — тамтамы, перья и прочее. После того как в Канаде ему дали однажды по башке бутылкой с зажигательной смесью, польское начальство сходить на берег ему запретило.

В 65-м году я первый раз поехал в Польшу — выпустили, потому что меня пригласил приятель, очень там большой человек в то время. Тогда он был редактором влиятельной газеты, уже потом доктор до маршала сейма и даже до главы партии. Мечислав Раковский такой — может, слышали? Пожил сначала у него, а потом переехал к приятелю журналисту, который как-то повез меня к своей теще в Сопот. У этой тещи, к слову сказать, тоже есть отдельная история, но речь сейчас не о ней. В один прекрасный момент эта Стефания и говорит: «Хочешь посмотреть на настоящего индейца?» Вот так я с ним познакомился. Звали его Сат-Ок, а фамилия от матери — Суплатович.

Проходит несколько лет. Телефонный звонок. Голос Сат-Ока: «Здравствуй, Боря, я собираюсь в Россию». Ну, приезжай, мол. А что случилось? Не знаю, говорит, какая-то дама мне прислала приглашение. Встречаю его с женой, привожу домой. «Кто тебе прислал приглашение?» — «Не знаю — вот телефон». Звоню. Здравствуй-здравствуйте, у меня Сат-Ок. В трубке женский голос: «Где же он — мы его ждем, столы уже накрыты». Что за черт! Ну едем — на проспект Мира. Сталинский дом. Звоним в дверь.

Открывает нам дама. Седая, стриженная, в шелковом восточном платье. Входим. Кругом ковры, оружие с инкрустацией. Богатый дом. Стол низкий накрыт, вокруг него подушки. Садимся. Народ вокруг какой-то шныряет. Я-то пока ничего абсолютно не понимаю, а Сат-Ок — индеец, поэтому сидит совершенно спокойно. Наконец встает та дама и начинает произносить тост. И из этого тоста выясняется, что она... та самая девочка, которую новорожденной оставили в Алма-Ате, и, соответственно, старшая сестра моего индейца.

Борис Жутковский явно наслаждался эффектом от рассказанного.

— И что же эта дама? Как она оказалась в Москве?

— Потом я это выяснил. Оказывается, что она — жена первого секретаря ЦК партии Таджикистана Расулова. Она к тому времени жила в Москве вместе с детьми. Думаю, брата своего индейского она через партархивы нашла, не иначе.

С Сат-Оком я еще несколько раз встречался, шкуру медвежью ему подарил.

А эту, Стефанию, помнишь? Которая меня с ним познакомила в Сопоте? Она тоже ко мне приезжала. Как-то едем мы с ней по Москве, она говорит: «Слушай, прежде чем поселишься в Польшу, мы жили во Львове, а перед этим в Москве. До 18-го года. Я хотела бы на этот дом поглядеть. Помню, рядом была Бутырская тюрьма». Приезжаем. «Вот этот дом», — говорит. У меня внутри стало слегка холодеть. Заводит в дом, поднимаемся. «Вот эта квартира», — и показывает на квартиру №18. Тут я просто и очумел.

Дело в том, что с 18-го года до своей смерти в этой квартире... жила моя бабушка Мария Ивановна!

И как доказательство тому бесценный рассказчик Борис Жутковский протянул мне фотографию своей бабки, сделанную еще до революции. Очень молодая девушка смотрела с фото, лежа на животе и игриво задрала ноги.

— А вон, видите, за ней девушка сидит. Так это моя мама Нина Ивановна. А бабке на этом снимке тридцать один год.

Почему-то именно этот факт добил меня окончательно.

Марина ОВЦОВА.

Фото Геннадия Черкасова.